

Едрово

Недалеко от Ёдрово проходит граница Тверской и Новгородской областей. Но проезжающие могут её не заметить. Всё те же старые деревянные дома, такие же ветхие заборы, и всё так же стоят на обочине дороги местные жители, в надежде продать лесную ягоду.

...Когда на обратном пути я решил купить клюкву, то остановился как раз здесь, недалеко от Выползово. По обеим сторонам дороги стояли человек тридцать. Перед каждым было ведро или даже по два, доверху наполненные сочной бордового цвета ягодой. Уже наступил вечер, и было очень холодно. Однако никто не уходил, в надежде, что кто-нибудь эту клюкву все же купит. Я остановился возле одной из женщин и спросил, почем ведро.

– Сорок тысяч, – ответила она, улыбаясь.

– Слишком дорого, – сказал я, торгуясь.

– Отдам за тридцать пять, – предложила она.

Но я сказал, что неподалеку отсюда такое же ведро продают за тридцать (это примерно пять с половиной долларов). Чувствуя себя хозяином положения, я мог сказать все что угодно. Это как раз тот случай, когда «покупатель всегда прав».

– А вы попробуйте собрать это ведро, – пряча обиду, сказала женщина, по-прежнему улыбаясь, чтобы не спугнуть покупателя.

Рядом стояли и смотрели на мой торг еще несколько местных жителей. Никто из них, однако, не вмешался, не стал предлагать свою клюкву подешевле. Глядя на них и на стоящую рядом женщину, я понял, что не купить именно у нее уже не имею права. Дело-то вовсе не в клюкве.

– Ладно, – говорю, – давайте за тридцать пять.

Только после этого к нам подошли другие торговцы и помогли пересыпать клюкву в мой полиэтиленовый мешок, принимая продажу ведра клюквы за общий успех. Однако когда я передал женщине

стотысячную купюру – ни у неё самой, ни у кого другого, ни у всех вместе не оказалось сдачи... С полудня они стоят здесь и продали только два ведра. За пятьдесят тысяч. А других денег у них нет.

– Ладно, давайте пятьдесят, – согласился я, стремясь поскорее укрыться в машину от холода и умчаться прочь.

– А как же еще пятнадцать тысяч? Может, возьмете на них еще клюквы? – забеспокоилась женщина.

Но мне уже её класть было некуда, и потому я отказался. Только теперь я увидел, что растерянная женщина перестала улыбаться.

Такая вот торговля и такая жизнь в этих местах...

...А пока мы покидаем Тверскую область, и первое село, которое нас встречает на новгородской земле, – Едрово.

Может быть, и в Едрово, как в Хотилово, трасса тоже упиралась бы в храм, но строители новой дороги, ведомые строителями большого светлого пути, просто снесли церковь Святой Екатерины. Было это в 1950 году, и с тех пор дороге здесь уже ничто не мешает. Глава едровской сельской администрации, Олег Алексеевич, рассказывал, как еще подростком забрался в эту церковь, «аж под самый купол», и в ужасе отпрянул, когда неожиданно увидел перед собою апостолов, глядящих прямо ему в глаза и написанных так, словно были они живые. Впечатление это не проходит у него по сей день.

Была в Едрово еще одна церковь – Преображения Господня. В ней долгое время размещался местный Дом культуры: смотрели кино, пели песни, крутили танцы, слушали лекции о культуре и атеизме... Но это внушительное и красивое здание, выделявшееся среди прочих едровских построек, в 1994 году, под самый Новый год, сгорело. Теперь оно представляет собой заброшенное и полуразвалившееся сооружение, стоящее в пятидесяти шагах слева от трассы.

Влекомый трехцветным флагом, развевавшимся на крыше двухэтажного здания, я направился в местную администрацию и через несколько минут был в небольшом кабинете уже упомянутого Олега Алексеевича. Весь едровский хозаппарат, состоящий из семи женщин, размещается в одной комнате перед кабинетом Олега Алексеевича и готов в любой момент ответить на все вопросы своего шефа. Сам глава

администрации – небольшого роста и уже немолодой человек – родился и всю свою жизнь прожил в Едрово. Мой визит оказался для него неожиданным и, скорее всего, до конца не ясным. Тем не менее, оставив все дела, Олег Алексеевич добросовестно отвечал на мои вопросы.

Это был сухой, прозаический и начисто лишенный эмоций рассказ, который всегда отличает немолодого и много повидавшего человека, не склонного ни к чему показному, но все же понимающего, что перед ним некий тип с карандашом и бумагой. Единственным лирическим отступлением был давнишний эпизод из его юности, когда под куполом церкви он увидел поразивших его апостолов. Вот что я узнал из разговора с Олегом Алексеевичем.

О самом названии села ничего определенного не известно. Есть версия, будто образовалось оно от корня *ядр*, со смыслом, близким к слову *ядренный*, то есть *здоровый, сильный*. О других версиях ничего не известно. Едрову уже полтысячи лет. Жителей – около двух тысяч. Сейчас, помимо старой части, расположенной непосредственно вдоль

трассы, к Едрову относятся еще три небольших поселка. В двух из них есть централизованное отопление и водопровод, а вообще, люди пользуются водопроводными колонками. Почти все дома в Едрово газифицированы баллонами. Местной средней школе уже 125 лет, и по этому поводу в селе недавно отмечали юбилей. Учится там сегодня 240 учащихся. Есть в Едрово детский садик на 55 мест. Бывший Совхоз «Ленинские дни» ныне переименован в Акционерное общество закрытого типа. Вроде бы оно еще держится: есть стадо, выращивают хлеб, картофель... Имеются в Едрове две бани, и одна из них даже с буфетом, но они, кажется, обе «накрылись», и теперь задача в том, чтобы хоть одну из них запустить. Есть в селе библиотека, железнодорожная станция, карьер, филиал автотранспортного предприятия, какие-то коммерческие структуры, шесть торговых точек-киосков и четыре магазина. Задержек с пенсиями и зарплатой, по словам Олега Алексеевича, в Едрове практически нет, и этим Новгородская область отличается от Тверской. Главная же его забота – трудоустройство. На организацию новых рабочих мест нет средств. Поэтому официальных безработных в Едрове – восемьдесят. Вокруг Едрово расположены воинские части, в которых офицеры и прапорщики по пять месяцев не получают зарплату. Что касается «социально-психологического климата», то, по словам Олега Алексеевича, цели народ не видит и в завтрашнем дне совершенно не уверен.

– Местное население всегда трудилось от мала до велика, – рассказывает глава администрации. – Не было такого, чтобы мать пошла на работу, а сын или дочь оставались дома. Работали все на колхозных полях, на заготовке леса, торфа, работали за трудодни, и оплата, конечно, не соответствовала трудовым затратам. Но народ здесь никогда не терял надежду на то, что жить будет лучше. Делились друг с другом последним, и радость в одном доме отзывалась радостью в другом. Сейчас же, если кто-то что-то приобрел, то других забирает зависть. Меня зло берет, ей-Богу! Работай как следует – и все у тебя будет. А сейчас работать не хотят! Не все, конечно, но... Я уже за пять лет на них насмотревшись... *(Такое произношение окончаний выдает исконно местного жителя и указывает на близость к псковско-новгородским землям – авт.)*

Я осторожно прервал Олега Алексеевича, полагая, что полученной информации достаточно, чтобы составить впечатление о Едрово, и попросил главу администрации рассказать о себе.

Он помолчал, тяжело вздохнул и начал рассказывать:

– Родился здесь, в Едрово, в 1937-м году. Отец – железнодорожник, мать – домохозяйка. Когда началась война, нас, осенью 1941-го, эвакуировали. А вернулись обратно в феврале следующего года. Немец в Едрово не вошел, но дом наш был практически развален. А тут еще отец неожиданно ослеп... В 1946-м пошел в школу, окончил десять классов, работал по направлению райкома в сельском хозяйстве. Всем классом ушли в колхоз. Потом пошел учеником токаря на завод, при *«Карьероуправлении»*. Работал токарем четвертого разряда. А в 1960 году меня взяли в армию. Служил более трех лет в Литве, в роте связи. Служил неплохо, имел даже два отпуска. Вернулся – и снова сюда, на карьер. В свободное время решил окончить школу шоферов, чтобы была в запасе еще одна специальность. Уже хотел было уволняться с карьера, как меня отправили в Москву учиться на мастера. В Москве закончил ускоренные курсы, вернулся и работал мастером. Потом, через некоторое время, меня поставили начальником участка. Работали в то время при трехсменном режиме, а в смене было порядка шестидесяти пяти человек. Производили щебенку, которую в Москву направлявши. В 1964 году женился. Через год появилась первая дочь. Потом вторая. Одна дочь имеет высшее образование и работает с начальными классами в нашей едровской школе. Вторая работает на том же заводе, где работал и я. Есть у меня внук и внучка. Живу сейчас в квартире. Получил ее от *«Карьероуправления»*, где проработал тридцать два года без перерыва. Ну а затем меня назначили на эту должность и совсем недавно опять переизбрали... Время быстро идет. Уже и пенсия подходит. По выслуге-то я уже давно пенсионер, но хочу те задумки, которые мы со старостами здесь на сходах предложили, довести до конца. А тогда уже уйду отдыхать...

Вот и здесь, биография как биография, ничем особенным не отличается. Обычная, как и само Едрово. Никаких головокружительных карьер, внезапных взлетов и восхождений. Но нет и падений и роковых

изломов в судьбе. Чем примечательна такая жизнь? Может ли подобная биография привлечь драматурга, писателя или журналиста? Просто человек живет и работает. Для себя, своих близких, для людей, среди которых родился и живет... В этой здоровой обыденности мой слух остановился на последней фразе, где глава сельской администрации говорил о *«задумках, предложенных на сходе»*. Меня даже не сами задумки» зацепили, а скорее вопрос: что еще это за старосты?

Я попросил Олега Алексеевича подробнее рассказать об этом.

– Знаете, власть все-таки должна строиться «снизу», – объяснял глава администрации. – У меня сейчас восемь старост, и всё, что касается развития территории, я согласовываю с ними. Староста – это выборное должностное лицо, представительная власть в нашем сельском самоуправлении. Это уважаемый, авторитетный человек, избираемый народом. Своего рода наш местный депутат. Здесь их выбирают по улицам. Если народ, по каким-то причинам, не приходит избирать старосту, то по закону я могу его назначить, но обычно люди всегда приходят на сход и своего права выбирать старосту, решать какие-то общие вопросы – никому не отдают.

– Так только у вас или еще где-нибудь по России? – спросил я Олега Алексеевича.

– Не знаю, но в Новгородской области так. Мне кажется, что такая система управления самая приемлемая в наших краях. Если мы идем к рынку, то надо не только зарабатывать деньги, но и уметь их тратить. Но при этом ты предоставлен сам себе, и никто тобой не командует, не говорит: сколько сеять, чего сажать и что выращивать. В этом случае добиться чего-то можно только во взаимодействии с людьми. Как же весь этот рынок создавать без них? Это тогда получится какой-то особый рынок, не для нас. И вот система старост в какой-то мере нам помогает. Мы через них можем разговаривать с людьми, вместе решать какие-то задачи, а главное, жители разделяют ответственность за то, что делается в селе. Они не чувствуют себя лишними. Сейчас самое главное – обеспечить людей работой. Не для того, чтобы чем-то занять, а потому что это источник существования. Надо обязательно запустить предприятия. Были бы у меня деньги, я бы

что-нибудь придумал. Но вот уже полгода мы никаких денег не видим. Мы здесь решаем, планируем, а денег на то, чтобы это провести, – нет.

Что здесь добавишь, кроме того что посочувствуешь Олегу Алексеевичу? Вроде бы система правильная, демократическая, а денег на использование такой системы – нет. В итоге получается невесть что. *(Этот рассказ, о старостах и сходах, я вспомнил позже, когда работал над главой «Новгород» – авт.)*

Перед тем как закончить беседу, я попросил главу администрации рассказать об истории Едрово, чтобы дополнить несколько обыденную картину местного бытописания. Для этого Олег Алексеевич отправил меня в местную библиотеку, где, по его словам, имеется исчерпывающий материал. Сам он тут же позвонил библиотекарю и отдал распоряжение подготовить все, что есть, по истории Едрово. Потом все же решил сопроводить меня в библиотеку.

Миновав многочисленные ямы и ухабы, мы подъехали к современному одноэтажному зданию, в одном из окон которого я заметил тренировавшихся штангистов. В другой половине здания находилась библиотека. На одном из столов уже были аккуратно разложены тетрадки и альбомы, рассказывающие об истории Едрово.

Познакомившись с библиотекарем Светланой Владимировной, я принялся эти материалы просматривать, одновременно расспрашивая о местной жизни. Больше читая, чем слушая, я всё же улавливал, о чем говорит Светлана Владимировна. А говорила она о том, что в глухой провинции жить хоть тяжело и тоскливо, но все-таки не так, как в Москве, с ее сумасшедшей жизнью, которая к тому же еще и опасна, потому что постоянно стреляют, убивают и калечат. А большой город беспокоит её потому, что у нее растут две дочери, одной десять лет, а другой – тринадцать. И вот эта, вторая, совершенно безумная, потому что хочет в Москву и не хочет быть никем иным, а только... фотомodelью...

– Как фотомodelью? – спросил я, отодвигая в сторону исторические материалы о Едрово.

– Очень просто. Она уже давно мечтает стать известной фотомodelью, богато жить, ездить по разным странам, иметь свой собственный дом, обязательно с бассейном и прислугой. Сейчас такие

фильмы показывают, где богатство, роскошь, слуги... Совсем не то, что я: прибегаю домой – нужно ужин готовить, в магазин бежать... А они хотят прийти домой, а там уже всё убрано, приготовлено... Мы в выходные дни, вместо того чтобы отдохнуть – моем, готовим, стираем белье, гладим, топим баню... А она так жить не хочет. У нас, например, нет своего дома, а она мечтает о собственном доме и часто говорит: «Папа, давай свой дом построим!» У нас здесь, в Едрове, строят, конечно, дома, но небольшие, деревянные. А она хочет обязательно большой, каменный или кирпичный. Она почему-то хочет у нас жить красиво, на широкую ногу, ездить в другие страны... Мы даже не знаем, в кого она такая? Тут стал к нам журнал приходить, «Маруся», и там объявлен конкурс «*Девушка с обложки*»: надо отправить свою фотографию, а они там определяют победителя и опубликуют на обложке. И вот, она говорит: «Мама, давай отправим туда фотографии, вдруг опубликуют и предложат сниматься»...

Тут я спросил Светлану Владимировну, как зовут дочь и нельзя ли пригласить её сюда, прямо сейчас?

– Ну почему нельзя, сейчас я за ней сбегаю, – и Светлана Владимировна ушла за дочерью.

– Вот такая у нас здесь молодежь, – посетовал присутствовавший здесь же Олег Алексеевич. – Ничего, постарше станет – образумится... Я вам еще нужен?..

Я ответил, что мне, конечно, он нужен и было бы неплохо, чтобы он присутствовал при моем разговоре, но боюсь, что он, как глава администрации, может смутить будущую фотомодел. Олег Алексеевич рассмеялся, сказал, что дочь Светланы Владимировны зовут Наташей, и после этого мы с ним расстались: он пошел что-то проверить в этой части села... Буквально через несколько минут вернулась Светлана Владимировна со своей старшей дочерью...

Признаюсь, в те минуты я больше всего боялся разочарования в Наташе. Вместе с тем я надеялся и на нечто необычайное. Ведь сама новость о такой девочке была неожиданной. Поэтому вопрос «Какая она?» затмил для меня все остальное. То, что я увидел, однако, оказалось не просто неожиданным, но совсем другим.

Это была худенькая, стройная девочка-блондинка с длинными распущенными волосами и голубыми глазами. Одета она была в синюю куртку, под которой была красная водолазка, и в узкие брюки в полоску. Она была невероятно скована и даже не знала поначалу, как себя вести. Наташа смотрела неотрывно на меня и изредка на свою маму, ища поддержки. Ее губы были стиснуты в какое-то подобие улыбки, за которой она пыталась скрыть свою совершенную беспомощность перед ситуацией. Руки она прятала в карманах куртки. Её зажатый рот и полосочки, идущие от носа вниз ко рту, подергивались и выдавали повышенное нервное состояние. Одним словом, я встретился со сжатым в комок прелестным существом, у которого надо было хоть что-то узнать.

Я был представлен Наташе как некий столичный журналист, который хочет написать статью или даже книгу. Сам я очень вежливо попросил ответить лишь на несколько невинных вопросов. Чтобы не так сильно шокировать Наташу, я сказал, что это просто очень любопытно, не более того.

– Это правда, что ты хочешь стать фотомodelью?

– Да, – кротко ответила Наташа.

– А что такое фотомodelь в твоём представлении?

– Ну, это когда фотографируются, ездят везде, заключают контракты, чтобы рекламировать что-нибудь, – отвечала Наташа, не отрывая от меня глаз.

– А почему тебе это нравится?

– Просто так.

– Объясни, не стесняйся. Чем ты интересуешься?.. Ты же знаешь, что фотомodelь не должна быть зажатой. Она должна быть раскрепощенной и не стесняться разговаривать...

– Знаю.

– ...а у тебя зажат рот и ты боишься, что тебя сейчас покусает.

Мне на помощь пришла Светлана Владимировна.

– Наташа, расскажи о себе. Ты же дома не стесняешься.

– Хочу научиться кататься на роликовых коньках... Я даже не знаю, чего я хочу... Я много чего хочу, – вынужденно сказала Наташа под нашим совместным натиском.

- Например? – настаивал я.
- Когда вырасту, то хочу уехать в какой-нибудь большой город. В Америку или в Москву.
- А здесь не нравится?
- Нет, – ответила Наташа.
- Почему?
- Скучно. В школе неинтересно. Учусь я вроде хорошо. Четверки, пятёрки... Больше всего нравится немецкий.
- Любишь танцевать?
- Не очень.
- А музыку?
- Современную.
- Что читаешь?
- Фантастику.
- По телевизору что любишь смотреть?
- Очень люблю смотреть сериал «Элен и ребята».
- Это правда, что ты хочешь жить в дорогом доме с прислугой?
- Да.
- И как ты себе это представляешь? – спросил я, как будто представления об этом могут быть разными.
- Ну, как в кино.
- Слуг много хочешь?
- Нет. Хотя бы троих.
- А что бы они для тебя делали?
- Убирались бы, готовили...
- А сама, значит, не любишь убирать?
- Нет, не очень.
- Но ведь когда у тебя будет свой дом, своя семья, дети, захочется самой убирать, самой готовить. Ведь у мамы твоей нет слуг, – попытался усовестить я Наташу. Между тем Светлана Владимировна вступилась за дочь.
- Она беспорядок у нас не любит...
- Я замуж ни за кого не хочу, – ответила Наташа, хотя о замужестве её никто не спрашивал.
- Ты хочешь всего достичь сама?

– Да. Надо попробовать. Для начала буду учиться. Потом найду работу, конечно.

– Наташа, а если найдется такой человек, который предложит тебе с ним переспать и тогда он тебя сделает фотомоделью. Пойдешь на это? – рискнул спросить я, немного зная нравы этого мира.

На это мама Светлана Владимировна тотчас прореагировала.

– Она у нас еще ничего этого не знает.

А сама Наташа, которая «все это», конечно, давно знает, уверенно ответила: «Нет».

– То есть откажешься от профессии фотомодели? – пытал я Наташу.

– Да. Откажусь.

– А сейчас только так, – заговорила со знанием дела Светлана Владимировна. – У меня есть еще младшая дочь. Ей десять лет. Она все время говорит: «Мама, а кем мне стать? Если я буду учителем, то ведь они так мало получают». Понимаете, во что все у нас упирается? Мы здесь все очень мало зарабатываем и, прямо скажем, небогато живем. Поэтому их мечты о фотомоделях – это всего лишь мечты. Они ездят по разным странам, видят мир, людей, жизнь, а у нас никто никуда не ездит. Мы в этом году впервые ездили семьей в Крым. Так у нас тут все чуть с ума не сошли: «Как это они ездили в Крым!» Мы, наверное, единственные со всей деревни, кто туда ездил. Вот откуда у них такие сладкие мечты. Я, честно скажу, во все это не верю.

– А почему ты, Наташа, – спрашиваю я, – так настроена против замужества?

– Потому что мне никто не нравится. Мальчишки у нас уже все курят и пьют. Мы ходили в поход, так они взяли с собой бутылку водки и где-то в яме ее выпили.

После этого я, по-отечески и серьезным тоном, стал говорить Наташе очень важные вещи. Например, чтобы она обязательно берегла свою мечту, чтобы много и упорно работала над собой. Еще я убеждал ее в необходимости чтения серьезной литературы и слушания симфонической музыки, объяснял, что Наташе нужно учиться танцевать и постоянно следить за собой, как это делают все выдающиеся фотомодели. С абсолютным знанием фотомодельного

дела, я говорил ей о том, что профессия эта очень трудная и непростая, что модели, даже самые выдающиеся, очень зависимы: от рекламщиков, спонсоров, фотографов и прочих, крутящихся вокруг них типов, далеко не самых безобидных. Ну и, конечно же, я советовал ей учиться, учиться и учиться, переглядываясь при этом с разделяющей все мои пожелания наташиной мамой. Светлана Владимировна в свою очередь сказала, что ей очень страшно за дочь:

– Она требует, чтобы мы жили хорошо и красиво, а мы живем так, как все. Мы всю жизнь здесь, в Едрово. И я родилась здесь, и муж, и Наташа, но она у нас будто с Марса. С утра встает – и все у нее «не так». Она просто всех нас достала. Ей, наверное, будет очень трудно. Ей и сейчас трудно. Она у нас за все нервничает, за все переживает. За уроки, за то, что происходит вокруг... Она у нас, знаете, левша.

– Трудно тебе? – задаю я Наташе последний вопрос.

– Да, – едва слышно отвечает Наташа.

Мама её вздыхает, а я прошу, чтобы Наташа написала мне письмо. Втайне от всех. Чтобы она рассказала о своей мечте, о том, чего хочет и что её все-таки больше всего волнует, потому что в этой беседе она так и не раскрылась, не рассказала ничего такого особенного. Наташа обещала написать.

И, действительно, через какое-то время пришло ее письмо, которое привожу дословно:

«Здравствуйте... Вот, как и обещала, пишу Вам письмо:

Мои мечты.

Я со своими родителями живу в деревне. Родилась и расту здесь, в Едрове. Вижу нелегкий труд людей: работать негде, зарплаты маленькие, деньги выплачивают не вовремя, и то их хватает всего лишь на несколько дней. Несмотря на то, что было раньше, сейчас у нас нету даже кинозала, только одна примитивная дискотека для детей.

Еще семь лет назад мы занялись фермерством. Хотели держать много коров и сдавать их молоко государству. Чтобы зарабатывать побольше денег. Но ничего из этого не вышло. Фермерство у нас доходы не приносит. Потом, мы три года держали двух коров для себя. Мама, как и сейчас, работала в библиотеке, а папа работал в совхозе

трактористом. А теперь мы уже никого не держим, кроме пяти котов и двух собак. Вот уже один год папа у нас безработный.

Несмотря на эту скучную жизнь, я решила стать фотомodelью, зарабатывать порядочно денег, ездить за границу или, другими словами, путешествовать.

Я знаю об этой профессии очень мало, но думаю, что фотомodelи снимаются в журналах и, если не ошибаюсь, в рекламах по телевизору. Хотя, по моему мнению, эта работа и трудная, но мне она тем-то и нравится. Но если я и не стану фотомodelью, то у меня есть еще одна мечта: построить себе двухэтажный домик, со всеми удобствами. Конечно, было бы неплохо, чтобы в доме был и бассейн.

Недавно появилось у меня желание попасть на обложку журнала “Маруся”. Этот журнал появился в нашей библиотеке, как раз для девочек моего возраста. Он очень интересный, и из него можно узнать много нового.

До свидания, Наташа».

Вот такое письмо, такое Едрово и такая Наташа...

Ее родители и родители родителей прожили всю свою жизнь в этом селе. Они не хватали звезд с неба, не ставили перед собою особенных целей и высоких задач главным образом потому, что не знали об их существовании. Тот же Олег Алексеевич просто жил и трудился. И сейчас трудится. Ну а мечты... Какие здесь мечты, когда надо ежедневно заниматься и собственным выживанием, и выживанием семьи, или ежечасно думать и отвечать в селе за каждого человека, даже за каждое животное. Даже разговор с заезжим журналистом и то – роскошь. *Работа наша простая, работа наша такая: жила бы страна родная и нету других забот...*

О том, что вот эта самая «страна родная» и есть, прежде всего, они сами, никому в голову прийти не могло. Цель была у страны, у народа, у великого государства СССР, теперь России, но не у маленького человечка из Едрова. Та самая, великая, но абстрактная цель заменяла, а точнее, затмевала цель свою собственную. И все думали... нет, не думали – знали, что так и должно быть.

Но что есть человек без мечты и без стремления к этой мечте?

И вот в такое серое время живет маленький человечек – Наташа. Ее мама всю жизнь работает библиотекарем, а это значит, что никогда у неё не было и не будет денег: кто знает, есть ли у нас менее оплачиваемая профессия, чем сельский библиотекарь? Её папа – отвоёвавший в Афганистане, перенёсший две сложные операции, больной человек, – наслушавшись холёных кремлёвских болтунов, пытался заниматься фермерством, хотел достойно жить и трудиться, разводить мирных коров, «*чтобы сдавать их молоко государству*». А ныне он – безработный.

Тринадцатилетняя девочка, мечтающая стать фотомodelью, живет в барачном доме, где нет ни ванны, ни горячей воды, нет туалета и прочих элементарных удобств; живет в селе, в котором нет театра, освещенных улиц и шумных бульваров; нет пусть недоступных, но красивых магазинов, нет ничего, кроме предопределенности и предсказуемости. И эта худенькая девочка, беловолосая и голубоглазая, поднимает свое маленькое восстание против векового, тысячелетнего смирения и покорства: перед обстоятельствами, предопределенностью, перед нашей дикой неменяемостью.

Девочка эта не хочет жить так, как жили её родители и родители родителей и как испокон живут её миллионы сограждан: «*...в зле да шёпоту, под иконами в чёр-р-ной копоти*». Не хочет!

Боже упаси, если кто-то примет это за детский каприз, за испорченность и избалованность. Не из каприза или переизбытка, не от столичных излишеств и пресыщений, а, наоборот, от неимения всего этого появилась у Наташи мечта. Не от желания ещё большего, ещё лучшего и более яркого, а от отсутствия света вообще родились такие дерзкие и очень личные планы. Единственный виденный ею блеск – не из домашнего ли зеркала, в котором она могла видеть лишь... себя? Не надо и злорадства: мол, жизнь всё поставит на свои места, читай, сломает эту тоненькую веточку и швырнет в наш общий непотухающий костер. Своей мечтой она бросает вызов всем нам, не имеющим мечты. Всем, кто лишь терпит, рабски опустив голову, кто готов мириться со своим униженным положением, почитая это за Промысел Божий.

В нашей стране людям месяцами не выплачивают зарплату! Постоянно задерживают пенсии. Одновременно государство требует от людей быть к себе лояльными. Где такое еще есть? Где примеры из обозримой мировой истории? Где, в какой стране мира могли так оставить стариков, вынесших на своих плечах само наше существование? Где и какое еще государство, послав на несправедливую войну своих молодых, вступающих в жизнь граждан, – изуродовало их и оставило на произвол? Дети какой страны подвергаются массированным бомбовым ударам своего же государства?

Вот против чего восстает этот ребенок. Вот как не хочет жить Наташа. И не в её ли лице наша измученная Россия, наша страна, обретает свой действительный, а не абстрактный образ? И потому мне эта светловолосая тринадцатилетняя девочка из Едрово, с дрожащими и зажатыми губами, ближе и дороже всех фотомоделей мира вместе взятых. Будем же с нею, с Наташей, и с такими, как она, с её мечтой и надеждой о большом и красивом доме, с большими окнами, светлыми комнатами и верандами, с бассейном и обязательно с садом. Не в Америке, а у нас, в России!

Проехавший Едрово видит слева от дороги озеро, обрамленное лесами и вытянутое, словно Байкал, только гораздо меньшее. Озеро это, как и село, называется Едрово. Кто знает, не попросил ли Александр Сергеевич Пушкин ямщика остановиться здесь, чтобы насладиться

красотою? И Александр Николаевич Радищев, ехавший навстречу, из Петербурга, тоже мог остановить кибитку в этом месте. Где-то здесь – ровно половина пути! Совмести время – и, быть может, они бы у этого озера встретились.

Радищев любовался озером, прежде чем увидал здесь деревенскую девушку Анюту, вскружившую ему голову.

«Едущу мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила. Невинная её откровенность мне нравилась безмерно...

...Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить на стезях целомудрия...

... – Анюта, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатый столб от тебя...»

А у нас теперь, кроме Анюты, есть в Едрове – Наташа, тринадцатилетняя девочка, живущая где-то за озером вместе со своей мечтой.

